

Г. Гуссэ

**Знаменитые куртизанки
древних веков (Аспазия,
Клеопатра и Феодора)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г11

Г11 **Г. Гуссэ**
Знаменитые куртизанки древних веков (Аспазия, Клеопатра и Феодора) / Г.
Гуссэ – М.: Книга по Требованию, 2023. – 142 с.

ISBN 978-5-458-77935-7

Три женщины, три судьбы, три мира. Аспазия, Клеопатра и Феодора составляют триаду великих женщин древнего мира. Каждая из них символизирует свою эпоху, свою цивилизацию, имеющую своим фокусом Афины во времена Перикла, Александрию и Рим в эпоху Гая Юлия Цезаря и Византию в царствование Юстиниана. Вместе с Аспазией мы видим Афины на вершине расцвета их могущества и неограниченную свободу их ревливой, недоверчивой демократии. Клеопатра соприкасается с двумя мирами. По своим предкам она принадлежит греко-египетскому миру Александрии, расслабленной богатством, роскошью, распутством и обреченной на гибель своей тщеславной царицей. Но по своим любовникам она принадлежит к римскому миру, растратившему в соприкосновении с поработёнными народами своё могущество, но сохранившему, несмотря на свою испорченность и кровавые драмы, гордость своего имени, непоколебимую твёрдость и неукротимую силу. Феодора - царица Византии той эпохи, когда она находилась в развитии своего военного могущества, порядка управления и народного богатства.

ISBN 978-5-458-77935-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

котораго напоминаетъ палатку Ксеркса и гдѣ балками служатъ мачты персидскихъ трехбаночныхъ галеръ, добытыхъ при Саламинѣ, въ Одеонѣ соревнованіе поэзіи съ музыкою чередуется съ публичными чтеніями Геродота, излагающаго первыя книги своей Исторіи... Вотъ отрядъ Гонимитовъ, возвращающихся съ маневровъ, встрѣчается на улицѣ Гермеса съ вереницею дѣвушекъ, идущихъ черпать очистительную воду въ фонтанъ Каллирхоэ.

Между тѣмъ какъ печальный кортежъ одного изъ послѣднихъ участниковъ Мараѳонской битвы направляется къ Дипильскимъ воротамъ, отрядъ молодыхъ людей, между которыми видны Аристофанъ, Эразибулъ, Кононъ, проходитъ вблизи Пританей: периполархъ, предводительствующій отрядомъ, подводитъ ихъ къ престолу Агролы для того, чтобы они принесли здѣсь гражданскую клятву.

... Агора *) еще нѣсколько минутъ тому назадъ была наполнена любопытными, которые останавливались передъ лавочками продавцевъ и на порогѣ, тамъ, гдѣ разсуждаетъ Сократъ и гдѣ обличаетъ Тимонъ. Теперь площадь пустынна. Послѣ провозглашенія герольда и приближенія стрѣлковъ, граждане бѣгутъ въ Пниксъ слушать Фукидида, сына Мелезія, и Перикла, сына Ксантиппа. Нѣсколько часовъ позже толпа тѣснится на набережныхъ Пирея; работающіе на верфяхъ прерываютъ свою работу, матросы коммерческихъ судовъ прекращаютъ выгрузку бурдюковъ съ хіосскимъ и лесбосскимъ виномъ, мало-азіатскихъ тканей, понтъ-эхинскаго дегтя, евбейской ржи; они прерываютъ нагрузку кожъ, глиняной посуды, духовъ, масла, меда и финиковъ. Они поднимаются на палубу, взбираются на веретено якорей... Но вотъ картина достойная того, чтобы ею залюбоваться: это—побѣдоносная эскадра, возвращающаяся въ военный портъ.

Наступаетъ вечеръ, солнце прячется за Эгалеюсю горою, бросая на горы Аттики красные и лиловые лучи. Группы рабовъ уходятъ изъ заводовъ и мастерскихъ. Протагоръ, Зе-

*) Баварная площадь.

нонь, Дамонъ отпускають своихъ учениковъ; Антифонъ зажигаетъ лампу для ночной работы; астрономъ Метонъ начинаетъ свои наблюденія. Диктеріады держа во рту вѣточку мирты, показываются на порогѣ своихъ домовъ; молодые евпатриды, защитники и игральщицы на флейтѣ нахлынули въ Керамикскіе сады. Алкивиадъ, голова котораго украшена фіалками и золотистыми кобылками, волочить по землѣ омофоръ и проходитъ черезъ середину агоры; онъ званъ на ужинъ, конецъ котораго предвидится къ восходу солнца. Периклъ, привѣтствовавшій въ тотъ же день народъ въ Пниксѣ, председательствовалъ въ военномъ совѣтѣ, перерабатывалъ съ градоправителями и казначеями проектъ бюджета и теперь возвращается домой. Аспазія здѣсь: она ведетъ философскіе разговоры съ Анаксагоромъ, говоритъ о нравственныхъ вопросахъ съ Сократомъ, разсуждаетъ о политикѣ съ Харинсомъ, о гигиенѣ съ Гиппократомъ, объ эстетикѣ съ Фидіемъ. Периклъ цѣлуетъ ее въ лобъ, какъ онъ дѣлаетъ каждый день: утромъ—уходя, и вечеромъ—возвращаясь домой.

Аспазія—„Юнона Перикла Олимпійца.“ Она царствуетъ въ Аепнахъ своею красотою и умомъ. Женскій теремъ она превращаетъ въ свѣтскую гостинную. Аспазія имѣетъ свой дворъ въ этой демократической странѣ; она пользуется полною свободою въ этомъ городѣ, законы и нравы котораго навязываютъ женщинѣ постоянную опеку; Аспазія заботится объ этой столицѣ, хотя сама она въ ней иностранка.

II.

Такова Аспазія въ воспоминаніи или, вѣрнѣе, такою она обрисовывается въ нашемъ воображеніи. Какъ только начать болѣе точно останавливаться на чертахъ этой женщины для того, чтобы перевести ее изъ области грѣзъ въ сферу реальной жизни—она теряетъ свой колоритъ, блѣднѣетъ, исчезаетъ. Невѣрный портретъ скрываетъ идеальное видѣніе. Какъ

личность историческая, Аспазія побуждаетъ къ изслѣдованію, но не поддается анализу. Она остается въ неопредѣленности, и ее надо въ ней оставить, такъ какъ только тогда ее можно узнать. Всякое изслѣдованіе, въ которомъ старались-бы выяснить ея жизнь послѣдовательнымъ образомъ, опредѣлить ея характеръ, выяснить ея философскія и нравственныя воззрѣнія, всякое такое изслѣдованіе противорѣчило-бы истинѣ. Равнымъ образомъ нельзя опредѣлить родъ ея красоты. Преданіе не говоритъ объ этомъ ничего, и попытки живописи и скульптуры изобразить Аспазію, навѣрно, вполнѣ неудачны. Всякому предоставляется право воображать себѣ Аспазію, какъ самую красивую изъ паренскихъ корзиноносиль или какъ самую граціозную изъ женщинъ-вѣрницъ подземнаго кладбища въ Танагрѣ *).

Свидѣтельства, оставленныя древностью относительно Аспазіи, совершенно противорѣчатъ другъ другу. Если вѣрить приверженцамъ школы Комуса и ихъ толкователямъ, а частью и самому Плутарху, то Аспазія была простая гетера, немного болѣе интеллигентная, нѣсколько болѣе ученая, способная и слегка лицемѣрнѣе, чѣмъ другія гетеры. Сначала она была куртизанкою въ Мидетѣ, потомъ куртизанкою въ Мегарахъ, затѣмъ пришла въ Аѣины и познакомилась съ Церикломъ. Она обольстила его тѣми средствами, которыми обольщаютъ мужчинъ подобныя ей гетеры. „Распутство,

*) Бюсты Аспазіи въ Луврѣ и Берлинѣ далеко не достовѣрны. Бюстъ, находящійся въ Ватиканѣ,—въ духѣ греко-римскаго искусства и, вѣроятно, былъ сдѣланъ по заказу какого-либо богатаго римлянина для украшенія своей библіотеки. Слава Аспазіи, какъ женщины-философа, подтверждается тѣмъ, что бюсты ея находятся среди бюстовъ Пифагора и Антистена.

Гроновій, въ первомъ томѣ своихъ *Antiquités grecques* (стр. 83) даетъ другой псевдо-портретъ Аспазіи. Это камень, на которомъ представлена аѣинянка въ племѣ, съ надписью *Ασπασιν*. Но врядъ-ли какому-нибудь греку пришла бы мысль изобразить Аспазію аѣинянкою: что же касается надписи, то она обозначаетъ, вѣроятно, просто имя гравера, *Ασπασίος* или *Ασπασος*, о которомъ говорится у Sillig'a (*Catalog. Artific.* p. 100).

говорить поэтъ Кратинусъ,—создало для Перикла Юнону-Аспазію, его защитницу съ глазами собаки“.

Когда Аспазія увидѣла, что начинаетъ стариться и стала опасаться, что начинаетъ приѣдаться Периклу, она занялась старымъ ремесломъ. Она приглашала въ свой домъ куртизанокъ, свободныхъ и рабынь и даже замужнихъ женщинъ для того, чтобы познакомить ихъ съ своимъ другомъ. Своею любезностью Аспазія приобрѣла неограниченную власть надъ Перикломъ, разорила его незамѣтно для него самого, посоветовала ему предпринять двѣ войны и заставила его пожертвовать благомъ государства и покоемъ Греціи для частныхъ интересовъ и личной вражды.

Согласно другимъ свидѣтельствамъ, указываемымъ и распространеннымъ новѣйшими защитниками Аспазіи, эта знаменитая женщина сосредоточивала въ себѣ самыя рѣдкія достоинства. Ея невинность выше всякихъ подозрѣній, и къ классу куртизанокъ ее относить только вслѣдствіе ея оригинальности. Съ Гнаееной и Лайсою она не имѣетъ ничего общаго. Она—поэтъ, философъ, ораторъ, государственный человѣкъ. Изъ Милета въ Аѣины она пришла со спеціальною цѣлью преподавать искусство мыслить и краснорѣчиво говорить. Аспазія была для Перикла не столько любовницей, сколько наставницей. Она преподавала ему политику и ораторское искусство такъ же, какъ она Сократа учила діалектикѣ. Не будь несравненной Аспазіи, Сократъ не умѣлъ-бы размышлять, а Периклъ не былъ-бы въ состояніи говорить и управлять государствомъ. Прекрасная мрачная рѣчь, сказанная Перикломъ во второй годъ Пелопонезской войны, была сочинена Аспазіей. Съ высокими достоинствами человѣка Аспазія совмѣщаетъ всѣ добродѣтели женщины. Она умна, разсчитлива, дѣятельна, послушна. Она научаетъ жену Ксенофонта обязанностямъ супруги, она объясняетъ женѣ Искомакоса, какимъ образомъ слѣдуетъ вести хозяйство, для каждой посѣтительницы у нея есть хорошій совѣтъ и урокъ нравственности, она служитъ образцомъ для аѣинскихъ матронъ.

Очевидно, приверженцы обоихъ воззрѣній на Аспазію хва-

таютъ черезъ край. Но есть доля правды и въ ѣдкой критикѣ Комаковъ, и въ панегирикахъ ея защитниковъ. Аспазію можно помѣстить въ разрядъ женщинъ философовъ, но по этой причинѣ она нисколько не исключается изъ среды куртизанокъ.

III.

Милетъ, гдѣ родилась Аспазія, отцомъ которой былъ иѣкій Аксіокосъ, былъ одинъ изъ цвѣтущихъ прибрежныхъ іонійскихъ городовъ. Слава его была основана на прошлыхъ военныхъ удачахъ; промышленность и торговля составляли его богатство; а богатство имѣло слѣдствіемъ распущенность нравовъ Милета. Будучи отечествомъ Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, городъ этотъ также былъ знаменитъ своимъ обиліемъ куртизанокъ, какъ и философовъ. Милетъ былъ для Іоніи въ одно и то же время и Коринѳомъ, и Аѣнами; онъ былъ лучшею школою для Аспазіи, гетеры-философа. Въ Милетѣ Аспазія вела жизнь куртизанки благоразумнаго поведенія и по виду неприступной. На Аспазію дѣйствовалъ примѣръ Фаргеліи, у которой было четырнадцать любовниковъ, градоначальниковъ, и умершей женой тирана въ Тессаліи; поэтому Аспазія дарила своими ласками только первыхъ гражданъ.

Но по какимъ причинамъ и при какихъ обстоятельствахъ Аспазія пришла въ Аѣны? Въ какомъ году и сколькихъ лѣтъ отъ роду прибыла она туда? Чтобы отвѣтить на эти вопросы недостаётъ документовъ, и критика не можетъ помышлять отвѣтить на нихъ. Можно только утверждать, что Аспазія поселилась въ Аѣнахъ раньше LXXXV олимпіады (440 — 437 до Рожд. Христ.), въ какую эпоху уже началась ея связь съ Перикломъ. Слѣдуя Плутарху, читавшему сократики и, быть можетъ, придававшему черезъ-чуръ большое значеніе ихъ увѣреніямъ, Периклъ былъ обольщенъ знаніями и умомъ Аспазіи. Не сомнѣваясь въ интеллектуальныхъ досто-

инствахъ этой знаменитой женщины, все же можно думать, что Периклъ былъ не менѣе плѣненъ и ея красотою, и любовью. Аѣинянинъ сначала взялъ Аспазію себѣ въ любовницы, затѣмъ, разведясь со своей женою по взаимному согласію, онъ ввелъ Аспазію къ себѣ въ домъ и открыто жилъ съ нею.

Слѣдуетъ-ли вѣрить современнымъ защитникамъ Аспазіи, что Периклъ женился на милетской гетерѣ? Фактъ этотъ, по меньшей мѣрѣ, невѣроятенъ. Въ Аѣинахъ всякій гражданинъ имѣлъ полную свободу жить съ οποю куртизанкою, какова-бы она не была. Но законъ воспрещалъ ему формально жениться на иностранкѣ. Онъ могъ сдѣлать это только на основаніи ложнаго свидѣтельства, такъ какъ передъ религіозной церемоніей онъ долженъ былъ выполнить формальность предписанную закономъ (εγγύη). Если позже было признано, что показаніе на судѣ, записанное публичнымъ актуаріусомъ, было ложно, оба супруга разсматривались какъ соучастники и рисковали быть привлеченными передъ дикастеріонъ. Законъ полагалъ строгія кары: жена продавалась въ рабство, мужъ платилъ большой штрафъ и терялъ гражданскія права; дѣти объявлялись незаконорожденными и лишались названія аѣинянъ. Не мало людей темнаго происхожденія съ успѣхомъ пользовалось ложными свидѣтельствами и обманывало правительственныхъ актуаріусовъ относительно національности своей невѣсты, и если они не выѣшивались въ политическую борьбу, то имъ впослѣдствіи нечего было особенно бояться справокъ. Но это было невозможно для такихъ извѣстныхъ людей, какъ Периклъ и Аспазія. Если даже Периклъ и имѣлъ бы твердость рѣшиться дать ложное показаніе, то онъ не захотѣлъ бы сдѣлать этого. Какъ глава партіи, онъ постоянно могъ ожидать нападеній и всевозможныхъ махинацій со стороны своихъ политическихъ враговъ. Въ этомъ городѣ, гдѣ не было публичнаго заступничества, всякій гражданинъ могъ затѣять съ другимъ судебное дѣло, поэтому ясно, какое сильное оружіе противъ себя далъ бы Периклъ въ руки своимъ противникамъ этимъ запрещеннымъ бракомъ!

Если Аспазія не была удостоена чести соединиться съ Перикломъ бракомъ, то, въ вознагражденіе за это, она пользовалась такою свободою, какою не пользовалась ни одна афинянка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что предположеніе, имѣющее до сихъ поръ приверженцевъ, будто въ Афинахъ женщина терпѣла унизительное рабство, совершенно неосновательно. У себя дома она была полною хозяйкою. Мужъ считалъ-бы смѣшнымъ вмѣшиваться въ подробности хозяйства. Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи „Экономія“ говоритъ, что дѣло мужа зарабатывать деньги, а дѣло жены тратить ихъ. Далѣе онъ сравниваетъ жену съ царицею пчель: „она остается въ ульѣ и посылаетъ пчель на работу. Она принимаетъ то, что пчелы приносятъ ей, и сохраняетъ провизію до того времени, когда она понадобится. Она руководитъ постройкою ячеекъ, она заботится о томъ, чтобы былъ накормленъ новый рой“. Женщина управляетъ домомъ: она распредѣляетъ уроки служанкамъ, раздаетъ приказанія рабынямъ, заботится о кухнѣ, подвалахъ и булочной, она посылаетъ за провизіей, затѣмъ выдаетъ ее и приводитъ въ порядокъ. У нея сохраняется ключъ отъ комнаты, гдѣ хранятся всѣ драгоценности, вазы и металлическія чаши, дорогія праздничныя одежды, золотыя вещи, драгоценныя камни и деньги. Обычай запрещаетъ ей самой кормить дѣтей, но она нянчится съ ними, играетъ и цѣлуетъ постоянно. Затѣмъ она руководитъ первымъ воспитаніемъ мальчиковъ и полнымъ воспитаніемъ дочерей. Кромѣ того, афинянка занимается своимъ туалетомъ, требующимъ много времени по своей сложности: она нѣсколько разъ въ день купается, душится благовонными косметиками, смачиваетъ волосы въ эссенціи, пудритъ ихъ золотою пудрою, бѣлитъ и румянитъ щеки и губы, подводитъ брови и рѣсницы. Время, остающееся у нея отъ занятія хозяйствомъ, туалетомъ, отъ попеченія о дѣтяхъ, птицахъ, собакахъ, она проводитъ въ прогулкахъ, поѣздкахъ и визитахъ къ подругамъ.

Во время религіозныхъ праздниковъ, столь частыхъ въ Атикѣ, афинянки пользуются многочисленными и разнообраз-

ными развлеченіями. То онѣ слушаютъ въ театрѣ Вакха трагедіи Эсхила или Софокла, то онѣ, въ роскошныхъ нарядахъ, поднимаются въ богатыхъ кортежахъ на Парееонѣ по Пропилейскому подъему. Во время празднествъ въ честь Вакха онѣ отправляются переодѣтыя, верхомъ на ослахъ въ лѣса и долины окрестностей Аѳинъ. Во время Стенпсовъ онѣ на улицахъ и площадяхъ предаются шуткамъ и комическому злословію. Во время Θεσμοσφορίѣ, онѣ исполняютъ въ теченіи двухъ дней религіозные обряды таинственного храма Деметры, куда входъ мужчинамъ воспрещенъ. Во время Θаргеліѣ, Адониса, и Элевзиса имѣются другія церемоніи и зрѣлища: процессіи, соревнованіе пѣвцовъ, народныя игры, ристаніе съ факелами, туманныя картины.

Итакъ женщины не были ни рабынями, ни затворницами; онѣ только жили внѣ общества мужчинъ. Кромѣ мужа и самыхъ близкихъ родственниковъ, никто не переступалъ порога женскаго терема. Женщины давали пиры въ своемъ кругу; когда же мужъ принималъ и угощалъ своихъ друзей, то жена уходила на свою половину. Одинъ фактъ, что женщина присутствовала на пиршествѣ мужчинъ, навсегда испортилъ-бы ея репутацію. Для того, чтобы доказать присяжнымъ, что Нэра—куртизанка, Демосѳенъ говоритъ только: „Она ужинала и пила вмѣстѣ со Стефаносомъ (ея мужемъ) и его друзьями, какъ настоящая куртизанка“. Такимъ образомъ, свѣтскія отношенія, обѣды и собранія, гдѣ встрѣчаются мыслители съ любезными женщинами, представляющіе одну изъ привлекательныхъ сторонъ нынѣшней жизни, въ Аѳинахъ не существовали. Аѳиняне вознаграждали себя въ этомъ отношеніи съ куртизанками, которыхъ обычаи нисколько не стѣсняли.

Мужчины довольствовались ихъ красотою и веселостію, и законы до нихъ, такъ сказать, не касались, такъ какъ онѣ, какъ иностранки, были внѣ закона. Гетера могла жить и поступать, какъ ей было угодно, если только она платила налогъ — метайхіонъ, какъ иностранка, и налогъ — парнихонъ, какъ куртизанка; если она не оскорбляла порядковъ столицы, не противодѣйствовала полицейскимъ уставамъ, если она не

дѣлала скандаловъ въ храмахъ и не присоединялась къ толпѣ женщинъ и дѣвушекъ во время народныхъ церемоній. Она могла идти, куда ей вздумается, выходила изъ дома, когда ей нравилось, могла обогащаться, какъ умѣла, и, если хотѣла, могла разорваться.

Начиная отъ гетеръ, владѣвшихъ домами, рабами, драгоценностями, жертвовавшихъ деньгами на банки и фабрики и распоряжавшихся цѣлою свитою поклонниковъ, и кончая ничтожною рабынью, принадлежащей къ кастѣ диктеріадъ, всѣхъ куртизанокъ обязательно приглашали на пиршества, гдѣ онѣ веселили гостей своими бесѣдами и пѣснями. Многія изъ нихъ отличались веселымъ остроуміемъ и живымъ нравомъ. Если бы кто-нибудь пожелалъ составить сборникъ древне-греческихъ эпиграммъ, то ему пришлось бы столько же взять отъ Гликеріи и Каллистіоны, какъ отъ Діогена и Аркезила, отъ куртизанокъ столько же, какъ и отъ философовъ. Но умъ всѣхъ куртизанокъ былъ одностороненъ. Съ ними чаще всего случалось, что веселый разговоръ становился напыльмъ. У этихъ женщинъ не только недоставало сдержанности, у нихъ не было и умѣнія хранить тайны. Въ такомъ обществѣ было опасно говорить о политикѣ и не было никакой возможности долго вести серіозные разговоры. Это было хорошо для молодыхъ людей, а также для Сократа, умѣвшаго вездѣ приспособиться; но такіе дѣятели, какъ Периклъ, Анаксагоръ, Дамонъ, Фидіасъ, не могли находить продолжительнаго удовольствія въ обществѣ этихъ болтливыхъ флейтистокъ. Аспазія находилась въ условіяхъ совершенно исключительныхъ: толпа аѣинянъ признавала ее любовницей Перикла, друзья же великаго оратора уважали ее даже, какъ законную жену его. Она въ одно и то же время пользовалась свободою куртизанки и почетомъ супруги. Она могла принимать приближенныхъ Перикла, что признавалось для аѣинянки преступленіемъ; они находили въ Аспазіи собесѣдницу, способную ихъ выслушать и отвѣчать имъ, что не было дѣломъ куртизанки. Такимъ-то образомъ объясняютъ совершенно своеобразную роль Аспазіи въ Аѣнахъ, ея значеніе у философовъ и сильную,

нѣжную любовь, которую она внушила Периклу. Первая и единственная, быть можетъ, изъ аѳинскихъ женщинъ, она поддѣрживала любезное и благородное обращеніе съ выдающимися дѣятелями. Сократъ, Анаксаторъ и Фидій считали ее интеллигентнымъ и искреннимъ другомъ. Для Перикла она была любовницей и женою, усладою жизни, очарованіемъ домашнего очага; онъ совѣтовался съ нею каждый день, какъ съ вѣрнымъ другомъ; слова ея согрѣвали, любовь утѣшала и нѣжность успокаивала.

IV.

Нельзя управлять республикою болѣе двадцати лѣтъ безъ того, чтобы не стать мишенью всевозможныхъ наговоровъ и не терпѣть всякихъ обидъ, оскорбленій. Ораторы Собранія оспаривали государственныя распоряженія Перикла, а на частную жизнь его нападали зачинщики агоры и комическіе поэты, эти журналисты и памфлетисты того времени. Его связь съ Аспазіей была неисчислимою темою оскорбительныхъ шутокъ и насмѣшекъ. Аспазію называли Герою новаго Олимпійца, Омфаліей и Деянирою новаго Геракла. Аспазію обвиняли въ томъ, что она изъ дома Перикла, царя сатировъ, какъ называлъ его Гермиппа, устроила настоящій диктеріонъ, наполненный куртизанками всѣхъ сортовъ и даже замужними аѳинянками, которыя своими любезностями, одолженіями старались обезпечить политическую карьеру своихъ мужей. Судя по народной молвѣ, жена Мениппоса выхлопотала для своего мужа такимъ образомъ постъ полководца. Аспазія была злымъ гениемъ Перикла, она внушала ему неосторожную политику и произволь власти. Ему приписывали расхищеніе казны союзниковъ, а также значительные расходы, которыми Периклъ обременялъ бюджетъ столицы для того, чтобы давать работу своимъ друзьямъ, какъ, напримѣръ, Фидію, наконецъ, его nepотизмъ и вниманіе къ своимъ приближеннымъ, Пиррамосу, Хариносу и Мениппосу. (Послѣдній, вопреки принципамъ аѳин-